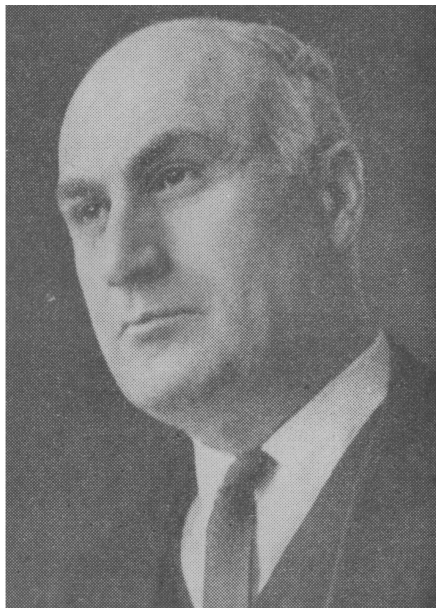

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 32

1966

Ираклий АБАШИДЗЕ

ПО СЛЕДАМ РУСТАВЕЛИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

Ираклий АБАШИДЗЕ

ПО СЛЕДАМ РУСТАВЕЛИ

СТИХИ

*Авторизованный перевод с грузинского
А. Межирова*

Издательство «ПРАВДА»
Москва, 1966

Ираклий АБАШИДЗЕ

Ираклий Виссарионович Абашидзе родился 23 ноября 1909 года в поселке Хони (ныне город Цулукидзе, Грузинской ССР). В 1930 году окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета.

Печататься начал с 1928 года. Первый сборник стихов издал в 1931 году. В дальнейшем книги его стихов на грузинском и русском языках издавались неоднократно.

Ираклий Абашидзе — действительный член Академии наук Грузинской ССР, председатель Союза писателей Грузии, депутат Верховного Совета СССР. Член КПСС с 1939 года.

Вместе с учеными А. Шанидзе и Г. Церетели в 1960 году И. Абашидзе побывал в Палестине. Сюда их привели поиски материалов, связанных с последними годами жизни великого грузинского поэта Шота Руставели, который, покинув Грузию, после долгих скитаний обрел последнее пристанище в Иерусалимском Крестном монастыре. По возвращении из поездки, помимо «Палестинского дневника», И. Абашидзе издал книгу стихов «Палестина, Палестина...». За этот цикл он был удостоен премии Руставели, учрежденной в Грузии в 1965 году.

Награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом «Знак Почета».

*Всем сердцем жаждал твой далекий потомок
представить себе, что думал и переживал ты
в последние дни жизни.*

*Так зачти ему эти «голоса», как действи-
тельно услышанное им в грузинском Крестном
монастыре Палестины, в твоём последнем
убежище, спустя семьсот лет после твоего бес-
следного исчезновения.*

КОРНИ

Летим над Тигром и Евфратом,
Над миром слитным и разъятым.
Сперва пустыня под крылом,
Исхлестана бичами зноя,
То голоса вовсю, то ноя,
Нагая, перла напролом.

Как вдруг, почти без перехода,
Мир Междуречия возник —
И непреложная природа
Переменилась в тот же миг.
И под крылом,
Почти что рядом,
Дороги древности седой,
Оазис, брезжащий водой...

Летим над Тигром и Евфратом,

И высвечен из вечной мглы
Неведомых времен папирус;
В обличье пепла и золы
Колосс Урарту грозно вырос,
Твердыни хеттские белы.

Мерцают в отсвете крылатом
Исчезнувшие навсегда
Времен халдейских города.

Летим над Тигром и Евфратом,
Истаявшего дыма столб
Струится к небу, воскрешенный.
И топотом несметных толп
Гудят истоптанные склоны.
Течет песок, багрово-рыж,
Храпят и скачут кони в мыле,
И голуби с древнейших крыш
В испуганное небо взмыли.
Мир всеми мифами вопит,
И корни языков элама
Из-под тысячелетних плит
Наружу проросли упрямо.

И корни древние мои,
В прах превращенные когда-то,
Дрожат во глубине земли
В долине Тигра и Евфрата.

ГОЛОС РУСТАВЕЛИ В ГЛУХОЙ ПУСТЫНЕ

Что тебя отторгло от Месхети
И влекло сквозь этот адозной?
Может быть, вражды нещадной сети,
Недруги твои всему виной?
Был ли кто-нибудь в Отчизне милой,
Кем твое изгнание начато,
Кто грозил тебе враждебной силой?

Голос Руставели: — Нет. Никто.

Или, может быть, на славу зарясь,
Зависти кипящая смола
На тебя со всех сторон текла?

Голос Руставели: — Нет. Не зависть.

Может быть, без крова и без сил,
Черною изменой в ночь гонимый,

Ты, изнемогая, отступил
На стезю недобровольной схимы?
Может быть, у роковой черты
Ты простился с верой неизменной?
Может быть, изменой изгнан ты?
Может быть, от лести ты бежал,
Ненавистна ей любая сила,—
Миллионом ядовитых жал
В плоть влилась и душу отравила?
Видно, ты не в силах перенести
Лести непотребные щедроты,
И она свела с тобою счеты?

Голос Руставели: — Нет. Не лезть.

Ну, так, может, ненависть слепая
В жажде уничтожить все и вся
Кралась, ни на шаг не отступая,
За тобой по следу колеса?
Не она ли в очаге гудела
И, тебя обуглив дочерна,
Выгнала из отчего предела?

Голос Руставели: — Не она.

Что же обрекло на отлученье
От родных нагорий и лугов,
Явным сделав тайное мученье?

Голос Руставели: — Что? Любовь...

ЛАСТОЧКИ

Разве я и в том виновен,
Что в загадочной стране
Сонмы сказочных диких
Не открыли тайны мне?!
Был, как видно, слишком краток
Нашего свиданья миг.
Только понял я пернатых,
Наших ласточек язык.

И не чудо ль это, право,
После стольких верст опять
Месха, скажем, или Пшава
У Джелама повстречать?!
Уловить опять, как Слово
Понимающе поет,
Там, где мне приснился снова
Наших ласточек полет.

Где все те же, те же, те же,
На лету лаская взгляд,
Режа крыльями безбрежье,
Наши ласточки летят?

Я не слышал, как дышала
Туча мощная, как вол,
Грохот горного обвала
До сознания не дошел,
Истины в его раскатах,
Как ни бился, не постиг.
Только понял я пернатых
Наших ласточек язык.

Кто вы? Сваны плоть от плоти
Или месхи во плоти,
Наши ласточки в полете,
Наши ласточки в пути?!

От пустыни к Междуречью
Я летел сквозь мрак и свет
Нашим ласточкам навстречу,
Нашим ласточкам во след.

* * *

О, как многие живут
Лишь одной-одною жаждой —
День сладчайший видеть в каждой
Из отпущенных минут!

Многим снится лишь одна
Жизнь — сладчайшая услада.

Что же мне, моя страна,
От чужого края надо?!

На высоких скоростях,
В свисте взлетов и посадок,
Побывал в краю загадок,
Был у Индии в гостях.

Все, чем славится она,
Видел мельком, непонятно...
Как и ты, моя страна,
Сказке Индия подобна.

Но ведь ты не только взлет
Горных круч.
Не только броды
Горных рек.

Во мне живет
Образ твой и без красот
Нашей сказочной природы.

Ты — терпенье в час беды
С дальним огоньком в тумане,
Трепет сердца и дыханье,
Растопляющее льды,
Дуновение тепла,
В день зимы — виденье лета.
Но ведь ты совсем мала,
Так мала, как сердце это.

Так мала, что твой листок
С придорожного платана
Никогда еще не смог
Долететь до океана.

Но летит иная весть
Из отеческого дома.
Будь всегда такой, как есть!
Будь такой, как мне знакома!
Вестью дружбы и любви
Из отеческого края,
Индию благословляя,
И меня благослови!

ТЫ ЗДЕСЬ...

Здесь!..
И ворот монастыря
Коснулась трепетно десница —
Рука дрожащая моя,
И медленно молчанье длится...
И откликаются в ответ
На робкое прикосновенье
Колокола минувших лет,
Молитвенное песнопенье,

А за оградой шуршит
Сухое что-то...
Из-за двери,
Обшитый камнем,
Смотрит скит,—
Темно и холодно в пещере.

Ты здесь...
В погоне за тобой
Шла жизнь,
Вздыхала непогода
Крыло над жизнью и судьбой.
И вот — порог.
Стою у входа.
А за порогом темный скит,
Конец скитаний — и начало,
Где мне исполнить предстоит
Все, что Отчизна завещала.

Здесь
Твой последний след исыяк,
Прервался на щербатых плитах
И отзвучал последний шаг,
Последний вдох,
Последний выдох.

И вот
Один из сыновей,
Которых у Отчизны много —
Пыль, прах и тлен земли твоей,—
Стоит у твоего порога.

Где, где
я только не искал
Тебя:
и в Самцхе и в Месхети,
В теснинах и на гребнях скал,
В ночах крошечных и при свете!
Шел по пятам,
За пядью пядь,—
И троп, тобой пройденных,
узел
На ощупь тщился развязать,
Глаза от напряженья узил.

Но узел выпадал из рук,—
И как я только не старался,
Твой след
У самой Мтквари¹ вдруг
У Тмогви² самого стирался.
И становился вновь свежей,
Чтоб снова стать неуловимым,
У пограничных рубежей
Сойти на нет, истаять дымом.

Однажды
На короткий миг
В просторах Инда и Пенджаба
Твой голос явственно возник,
Моих ушей коснулся слабо.
Вдали —
И все-таки вблизи
От края отчего,
Как чудо,
На миг
Струна твоей стези
Вдруг прозвучала ниоткуда.
И, напрягая слух,
По всем
Дорогам и путям Востока
Я шел.
Но и Восток был нем,
Но и Восток молчал до срока.

¹ Мтквари — река Кура.

² Тмогви — имеется в виду крепость.

Где только не был я,
В каком
Краю земли,
 одним-единым
Стремленьем яростным влеком
И по горам и по долинам,—
Одну картину
Неспроста
Писал,
Как смутный сон,
В смятенье —
И сам же соскребал с холста
Полутона и полутени.
И шел сквозь этот смутный сон,
Всем существом и жизнью целой
Неотвратно устремлен
Вслед за твоею тенью белой.

Ты здесь...
На этом камне стих
Твой шаг последний,
В эти плиты
Твои следы незримо влиты
И слезы из очей твоих.
Сюда —
К тебе —
Сквозь дни и ночи
Я шел, чтоб долг исполнить отчий,
Лежащий на моих плечах,—
Чтобы упасть на камни эти
Здесь,
Где погаснул твой очаг,
Я горе месхов,
Зов Месхети.

КТО ЗНАЕТ, КАК ВАРДЗИЯ ¹ ЖДЕТ...

Кто знает, кто ведает,
 как
Ждет Вардзия, что ему помнится,
Какими он думами полнится
О канувших в вечность веках...

¹ Вардзия — пещерный город XI—XII веков.

Ты —
Свет во тьме,
Пролитый щедрой чашей
С небес на землю...
Там и здесь, один,
Ты —
Верой обретенная крепчайшей
Причина высочайшая причин.

От колыбели и до дней последних
И перейдя последнюю межу,
Я — твоего завета исповедник,
Всем существом тебе принадлежу.
Все, что во мне созрело, —
Слово, Дело,
Все, что зачахло,
Каждое зерно, —
Тобой
Неотвратно и всецело
В меня однажды было внедрено.
Благодаря твоей всевышней власти
Аз есмь не зверь...

не зверь...
но Человек...

В дороге долгой
Одолея напасти
И заблуждений горестных избег.
Учение твое — превыше правил...
Ты,
наставляя жить не по злобе,
Спас от греха, на правый путь направил
Небесным откровеньем:
«Бог в тебе»...

И если в чем-то я ошибся все же,
О прегрешеньях суетных моих
Ты, Вездесущий,
узнавал не позже,
Всеведающий —
ведал в тот же миг.

Не знаю, похулишь или похвалишь, —
Лишь твоему подсуден я суду,

Судья всевышний мой,
И от тебя лишь
Великодушья и прощенья жду.

Мой разум и сознание
Высшим даром
Я почитал, не ведая вины,
Ибо они
Из всех существ
Недаром
Лишь человеку только и даны.

Ты поклонения требовал слепого,
Коленопреклонения одного,
Но только мысли, воплощенной
в Слово,
Я поклонялся, веря в естество.

И если в замысле твоём высоком
Я человеком был,
И если ты
Однажды взвесил совершенным оком
Мои несовершенные черты,
И если ты
Печаль и радость —
Разом —
Дал мне вкусить на праведном пути,
То я желал
Раскрепощенный разум,
Освобождение мысли
Обрести.

Нежней молитвы и мощней хорала
Вошло желание это в бытие.
Избави Бог, чтоб жизнь меня карала
За это вот желание мое!
Но если ты желание это все же
Счтешь за грех, помыслив о плохом,
То где тогда, не ведаю, о Боже,
Граница меж грехом и негрехом?!

Не осуждай меня...
Из дальней дали,
Недугами согбен, полуживой,

Пришел к тебе, поникнув головой,
Колени преклонив,
Проситель твой
От имени желанья и печали.

Зачем
 богоотступничество мне
В вину вменяют
И грозят расплатой,
Когда на свете
 о моей вине
Ты ведаешь один,
Мой Бог распятый?!

ГОЛОС В КРЕСТНОМ МОНАСТЫРЕ

Я исчез...
 исчез я...
 или
Из густой дорожной пыли
Днесь
Перед концом пути
Здесь
Возникнул во плоти...

Попрана душа моя,
Плоть поглощена могилой
Или из небытия
Возродилась с новой силой?
Свет ли на пути моем,
Или на дороге тени?
Это
 взлет
 или паденье?
Это
 спуск или подъем?..

Плачу я или пою?
Волен
 или под охраной
На земле Обетованной
Коротаю жизнь мою?..

Даль открыта с перевала,
Застилает очи мгла?..
Роза дикая увяла,
Краше прежней расцвела?
Отрешился от земного
Или,
Все припомнив снова,
Наяву, а не во сне
Знойным упиваюсь летом?
Или не от чего мне
Отрекаться в мире этом?..

Разве я растратил пыл
Веры и молитвы
Или,
Повинуясь чуждой силе,
Твой закон переступил?

В этом ли моя беда?
Что же мне в вину вменялось?
Или то,
Что иногда
Мысль узде не подчинялась?

Но не твой ли щедрый дар,
Что вознес меня высоко,—
Сердца пламенного жар,
Мысли пристальное око?!
Или сам я не постиг
Истины,
И, может статься,
Ты совсем в грехах моих
Не находишь святотатства?!
И тебе,
Учитель мой,
Всеблагой и справедливый,
Слишком робкими порой
Кажутся мои порывы...

Робость...

Вот вина моя
Перед Богом и законом,—
И раскаиваюсь я
В прегрешенье
Несвершенном.

Жизнь моя
 иначе шла,
Иначе
 звучало Слово,—
Я
Другого ремесла
И призвания иного...

Что досталось мне в удел?
Разве был я слишком жаден,
Разве

 право
 возымел
Или
 голос
 был мне даден?

Разве правил мой Ваал,
Искушал и беспокоил?
Разве

 я повелевал,
Или цитадели строил,
Или рушил города?..
Я,
 не венчанный короной,
Только

 мыслью
 был всегда,
Только
 мыслию бессонной...

Просто был я сам собой,—
Думая о человеке,
Человеческой судьбой
Не повелевал вовеки.

В этом видел я свои
Озаренья и ненастья.
Был я данником любви
И рабом единовластья.

Если в этом весь мой грех,
Если в этом грех мой тяжкий,—
Покарай меня за всех,
Я не требую пощады.

На исходе
 дней
 и сил
Я пришел под эти стены —
Сердце пред тобой открыл,
Утомленный и согбенный.

На краю могилы став,
Твоего ответа жажду:
Где был прав я,
 где не прав?
Или был не прав я
Дважды?

У могилы на краю
Только правде соревную,—
Укажи мне
 на мою
Радость и печаль земную...
Я прошел сквозь рубежи,
Пораженья и победы.
Где
 весна моя?
 Скажи...
Где
 зима?
 Ответь, поведай!

Я пришел к тебе с мольбой
Всех времен и поколений.
Пантократор!
Пред тобой
Опускаюсь
На колени.

ГОЛОС В ОЛИВКОВОМ САДУ

В том признаюсь,
что на свете
превыше всего
Родину ставил,—
и ежели грех мой таится

Именно в этом,
готов отвечать
за него —
Пусть покарает меня
справедливая
божья
десница.

Ибо светило господне
считал я всегда
Солнцем Отчизны,
ее достоянием
и светом.
Лился ли дождь,
или снег покрывал города —
Я прозревал
достоянье
Отечества
в этом.

О Палестина!
Я верил в тебя...
Но, молясь
Животворящими душу
словами твоими,
С Грузией милой
вовек
не утрачивал связь,—
Прежде всего
я молился
Отчизны во имя.

Слово Отчизны
мне слышалось в слове любом,
Небо грузинское
чувствовал отчим пределом,
Ибо
под небом Отечества
даже рабом
Был бы и в горе
я счастлив
душою и телом.

О Палестина!
По вехам грузинских дорог

Шел я к тебе,
за Отчизну молясь неустанно,
Ибо

вне Родины
верить в бессмертье не мог,
На стороне
не искал
патриаршего сана.

Если достоин я
гор и ущелий родных,
То потому, что
и сердце,
и честь,
и дыханье,

Как на алтарь,
я пожертвовал только на них,
Схиму и пост в Палестине
предвидя заране.

Все, что, Творец,
мне однажды тобою дано,
В плоть внедрено,
вливо в кровь
через дни и сквозь ночи.
Все, что потеряно,
прожито,
обретено,
Все безраздельно
принес я
на жертвенник отчий.

И потому
на исходе последних минут
В дальнем краю,
в палестинских моих палестинах,
Слезы мои
на грузинскую землю
текут,
Песни мои
пребывают
в горах
и в теснинах.

И потому,
пред тобой преклоняя главу,

Родину вижу,
 смотрю на родимые лица,
В монастыре палестинском
 дышу и живу
Лишь для того,
 чтоб за счастье Отчизны
 молиться.

ГОЛОС У КОЛОКОЛЬНИ ¹

Последние страницы перелистываю
В заветной книге...
Верю и молю:
Откликнись, Боже,
На мольбу мою,
Услышь, Творец,
Мою молитву истовую.

Молю,
Не закрывай
Морских ворот
Земли грузинской...
Исхожу мольбою,
Не отрывай
Мой праведный народ
От мира, просвещенного тобою.

Творя молитву, я пришел сюда,
Мне пост не труден и не в тягость сжима.
Так почему кровавая страда,
Гнев неба — близость страшного суда
Маячит предо мной неотвратимо?..

О, почему плывет
 с восхода
 мгла,
И чудится, что край родимый болен,
И горестно гудят колокола,
Скорбящий глас грузинских колоколен?!

¹ Вскоре после ухода Руставели Грузия была покорена монголами.

Зачем
 в ночи
 мерещится опять,
Сквозь мглу густую сновиденья рая,
Меч,
 воткнувший в скалу
 по рукоять,
И яростные слышатся стенанья?!

И низко
 над руиной крепостной
Кружится ворон, сытый и надменный,
И Картли
 тенью
 следует за мной,
Отторгнута от Бога и вселенной.

Свечу в грузинском доме не гаси,
Не обрекай Отчизну на бесславье,
От рабской доли, Боже, упаси,
От поруганья, Господи, избави!

Не закрывай
Морских ее ворот,
Не дай —
Вольнолюбивой —
Стать рабою,
Не отрывай
Мой праведный народ
От мира, просвещенного тобою.

ГОЛОС В БЕЛОЙ КЕЛЬЕ

Кем ты была, Тамар?..
 Стенаньями без края
И плачем без границ..
 О чем печаль твоя?
Ты — божество,
 ты — свет,
 который, догорая,
Зашел за горизонт
 земного бытия.

Была ли солнцем ты,
светилом полуденным?
Не знаю...
Но была,
воистину была
И голосом души,
и безысходным стоном,
Истоком стольких слез
без счета и числа.

И в тот же самый час,
как ты смежила веки,
Жизнь кончилась моя,
окутал душу мрак,—
И дар моей любви
угас,
угас
навек,—
Светильник догорел,
огонь души иссяк.

Но если был я жив
и если верил свято
В добро и красоту,
в свершение и в порыв,
Любовь
звалась моим
дыханием
когда-то,—
Любовью был я жив,
любовью был я жив.

И если мысль в моей
душе,
как на скрижали,
Начертана была,
цель жизни обнажив,—
И мысль моя и цель
любовь обозначали,—
Любовью был я жив,
любовью был я жив.

И если путь торил
до смертного предела,

В деянье претворял
души бессмертный пыл,
По имени любви
звалось любовью дело —
Деяние мое...
Любовью жив я был.

Не ведает никто,
где истины обитель:
Пристанище,
дворец,
пещера,
кров,
жилье.

Но истины ничуть
я, грешный, не обидел
Тем, что любовь считал
пристанищем ее.

Что я теперь?
Сосуд,
осушенный на пире,
Способный лишь звенеть,
зияя пустотой,
Или древесный ствол,
который подрубили
Под корень
на скале,
высокой и крутой?

Кто я теперь?
Скала,
с отвесных круч
в ущелье
Поверженная ниц
обвалом
наповал?
И чем еще жива
душа
в усталом теле?
Остаток тайных сил
исчерпался, пропал.
В растерзанной груди
нет сердца.

Немотою
Объяты небеса.
Земля, как ночь, слепа.
У жизни на краю
перед могилой стоя,
Дивлюсь, как тяжела
последняя стопа.

Отсюда не слышны
назойливые речи
Тех, кто винил меня
в безбожии за то,
Что я любил тебя.
О, это бессердечье,
В сравненье с ним само
безбожие —
ничто.

Пусть, как и ты, Тамар,
путь продолжать не в силе,
Умру, перешагнув последнюю черту.
Пусть, как и ты, Тамар,
Могилу в безмогилье,
затерянный в ночи,
Навечно обрету.

Пусть времени река
течет неистоцимо,
Колоколами тризн
вторгаясь в торжество.
Пусть шествуют века
и поколенья
мимо

Сокрытого от глаз
приюта моего.

Кем ты была, Тамар?..
Стенаньями без края
И плачем без границ...
О чем печаль твоя?
Ты — божество,
ты — свет,
который, догорая,
Зашел за горизонт
земного бытия.

ГОЛОС У КАТАМОНА ¹

О язык мой!
Ты — дар.
Ты — стремление и взлет,
Ты — сцепление
Наших скал,
наших глыб и камней.
Исцеленье
Наших дней
от недугов...
Дыхание наших знамен.
Ты — родной,
нестареющий наш и старинный,
Наш единый.
Ничем
ты не можешь быть здесь
заменен.
Ты остался один
у меня
в час кончины.

Я оставил на Родине
тысячу верных друзей
И неверных покинул,
ушел от врагов и от братьев.
Навсегда оглушен
гулом жизни исчерпанной всей,
Отошел от нее,
с тем, что смертно,
все связи утратив.

Я лишился всего,
отрешился от жизни живой,
Отрешился от смертного
в сумерках кельи унылых.
Но бессмертен лишь ты,
и до самой доски гробовой,
О язык,
от тебя
отрешиться
отшельник
не в силах!

¹ Холм возле Крестного монастыря Палестины.

Если веровал в солнце
и солнце в блаженнейший миг
Жгло,
сжигало
меня,
То превыше блаженства и зноя
только ты, мой язык,
Выразитель стремлений моих,
первородство мое...
О язык мой —
бессмертье земное.

Проникающий в недра,
в подземные глубы,
в моря,
Созерцающий небо,
ты звездным причастен чертогам.
Ты — сладчайшая скорбь,
ты — горчайшая радость моя,
Обо всем говорящий,
умалчивающий о многом.

Кисть моя и резец —
ты в суровом пространстве холста,
В неподатливом мраморе.
Ты пробиваешься к цели.
На могиле плита,
как слезами,
тобой залита,
Ты звучишь по ночам
над младенческим сном колыбели.

Станут прахом твердыни,
и все монументы падут,
И растрепаны будут,
и, раненный на поле брани,
Дух испустит герой,
превратится в осколки сосуд,
И подернется вечность
туманами воспоминаний.

И премудрость иссякнет,
и мысль обмелеет до дна,
Упражняться устанет
в открытии истин открытых.

Ветвь платана последнего
будет грозой сожжена,
Остановится кровь,
жаркий пламень угаснет в ланитах,—
И лишь только тебя
никому не дано побороть,—
И, какие бы грозы
над телом твоим ни пылали,
Не разрушится Слово,
которое было вначале,
Смертным прахом не станет
вовсеки бессмертная плоть.

О язык!

Ты мой гений.

Стремленье и взлет
и сцепленье

Наших скал,
наших глыб и камней.

Исцеленье

Наших дней от недугов...

Дыхание наших знамен.

Ты — родной,
нестареющий наш и старинный,
Наш единый.

Ничем

ты не можешь быть здесь
заменен.

Лишь тебя позабыть
не дано мне в минуту кончины.

ГОЛОС В СУМЕРКАХ КРЕСТНОГО МОНАСТЫРЯ

Когда мы спим,
Что только не приснится!
Когда мы спим и дышим тяжело.
Сей мир земной разящая десница
Сразила и меня, Тамар-царица,
За горы
Солнце Грузии зашло.

Всевышнему хвала!
Мои недуги
Уже никто не может врачевать.

В моих горах отголосили вьюги,
Сгорели грозы.
Тишь и благодать.

К чему теперь заботиться о теле,
Когда, покоясь в смутном забытии,
Души крошечной боли отболели,
Закончились блуждания мои.

О, горе миру бrenному!
Отныне
Тамар-царицы в царстве нет земном.
Молясь и плача в этой темной скинье,
Проснулся я —
Все оказалось сном.

И только бога об одном-едином
Молю от милой Родины вдали:
Горам Отчизны и ее долинам
Покой и процветанье ниспошли.

И пусть моей молитвою хранится
Всегда повелевающие мной
Ее непобедимая десница,
Ее язык, бессмертный и родной.

НЕИЗВЕСТНАЯ НАДПИСЬ НА ГРУЗИНСКОМ ПЕРГАМЕНТЕ ПАЛЕСТИНЫ

Здесь Руставели опочил...
Все десять
ночей и дней
сквозь кельи потолок

Смотрел,
как будто
небо
взглядом взвесить
Хотел перед кончиной
и не мог.

С кем дни и ночи
без воды и хлеба
беседу вел
и спор
в исходе сил?

Усталых глаз
не отрывал от неба:
не сомневался.
Веровал.
Любил.

Копна волос
была как саван белый,
седая борода
белым-бела.

Здесь Руставели
перешел в пределы
небытия —
и свечка оплыла.

Над ним склонились мы
перед кончиной
в наипоследнем
трепете свечи:

К собратьям обратиться
на миг единый,
скажи хоть слово —
душу облегчи.

Авось, твое последнее реченье
не просто канет
в пустоту и тьму,
А принесет
благое облегченье
истерзанному
сердцу
твоему,

Которое безбожно и жестоко
гонимо по земле
издалека.

Не пожелал...
И лишь прищурил око,
слезами
увлажненное слегка.

И свет вечерний
сквозь косые дымы
коснулся щек.
И, всех превыше нужд,
Ветвь синюю
оливы
принесли мы:

вот Картли,
вот Месхети,
Артанудж.
Пусть эта ветвь,
как весть
долины отчей,
целебная,
падет к тебе на грудь.

Не пожелал...
И лишь прищурил очи,
слезами
увлажненные чуть-чуть.

Раскрыли Дамаскина.
Вот страница,
которую
ты сам же
заложил.

Быть может,
от недуга исцелиться
тебе поможет
этой книги пыл.
О, загляни в нее —
и нестерпимо
растравленные
раны
отболят.

Не соизволил...
И куда-то мимо
метнул
слезами увлажненный
взгляд.

До полного заката
гимны пели,
в наипоследний
проводжая путь.
Пока не лег
под сводом низкой кельи
крест
на его измученную грудь,

Никто из нас
не проронил ни слова,
пока,
печален
и почти суров,
Святой отец
просил у Всеблагого
об отпущенье
всех его грехов.

Вся жизнь,
весь путь отмеренный,
все веки
успели пред глазами
промелькнуть.
Он застонал,
навек смежая веки,
слезами
увлажненные чуть-чуть.

Здесь Руставели опочил...
Все десять
ночей и дней
сквозь кельи потолок
Смотрел,
как будто
небо
взглядом взвесить
Хотел перед кончиной
и не мог.

Когда-то здесь
за истиной по следу
он шел,
предвестьем истины
томим.

С кем спорил он?
С кем затевал беседу?!
Не сомневался.
Веровал.
Аминь.

—

СОДЕРЖАНИЕ

Корни	3
Голос Руставели в глухой пустыне	4
Ласточки	5
«О, как многие живут...»	6
Ты здесь...	8
Кто знает, как Вардзия ждет...	10
Голос у стен Крестного монастыря	11
Голос в Крестном монастыре	14
Голос в оливковом саду	17
Голос у колокольни	20
Голос в белой келье	21
Голос у Катамона	25
Голос в сумерках Крестного монастыря	27
Неизвестная надпись на грузинском пергаменте Палестины	28

Ираклий Виссарионович Абашидзе

ПО СЛЕДАМ РУСТАВЕЛИ

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 10700. Подписано к печати 6/IX 1966 г. Формат бум 70×108¹/₃₂.
Объем 1,0 физ. печ. лист. 1,40 условн. печ. лист. Тираж 118 300.
Изд. № 1739. Заказ № 1926. Цена 4 коп.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

**ГОССТРАХ ЗАКЛЮЧАЕТ ДОГОВОРЫ
ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ НА РАЗЛИЧНЫЕ
СРОКИ И СТРАХОВЫЕ СУММЫ.**

Договоры страхования от несчастных случаев заключаются с гражданами в возрасте от 16 до 70 лет сроком от 1 года до 5 лет.

● Страховая сумма выплачивается при постоянной утрате общей трудоспособности или смерти застрахованного от несчастного случая.

● Страховой взнос с каждых 100 рублей страховой суммы устанавливается в зависимости от профессии страхователя и рода производства, где он работает, в размере от 25 копеек до 1 рубля 20 копеек в год. Страховой взнос уплачивается сразу за весь срок страхования вперед.

● Для более подробного ознакомления с условиями страхования и заключения договора обращайтесь в инспекцию Госстраха или к агенту Госстраха. Инспекция Госстраха имеется в каждом районе. Агента Госстраха можно вызвать к месту Вашего жительства или работы.

**ГРАЖДАНЕ! ЗАКЛЮЧАЙТЕ И СВОЕВРЕМЕННО
ВОЗОБНОВЛЯЙТЕ ДОГОВОРЫ ЛИЧНОГО СТРАХОВАНИЯ.**

Главное управление
государственного страхования РСФСР